

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.02

Исаков Владимир Алексеевич

доктор исторических наук, профессор
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
Isakov-va@yandex.ru

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
РОССИЙСКОГО РАДИКАЛИЗМА XIX В.**

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые позиции отечественной историографии революционного радикализма XIX в. Автор делает вывод о том, что лишь совокупность аргументированных подходов объективно отражает это явление и позволяет учитывать исторический фактор в современных процессах.

Ключевые слова: историография, революционный радикализм, террор, заговорщичество, политическая борьба.

UDC 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.02

Isakov Vladimir A.

Doctor of Historical Sciences, Professor
Moscow City University
Moscow, Russia
Isakov-va@yandex.ru

**RUSSIAN HISTORIOGRAPHY
ON THE CAUSES OF THE EMERGENCE
OF RUSSIAN RADICALISM OF THE XIX CENTURY**

Abstract. The article examines the key positions of the Russian historiography of revolutionary radicalism of the XIX century. The author concludes that only a set of reasoned approaches objectively reflects this phenomenon and allows taking into account the historical factor in modern processes.

Keywords: historiography, revolutionary radicalism, terror, conspiracies, political struggle.

Введение. В постсоветский период развития исторической науки появилась возможность разработки новых подходов к проблеме революционного радикализма. Воскресла охранительная тенденция, которая многообразие причин, повлекших появление радикализма, сводит

лишь к особенностям российской интеллигенции, преследующей «неправильные» цели. По мнению С. В. Тютюкина, «нас хотят убедить в том, что любое радикальное движение, выходящее за рамки чисто эволюционные, всего лишь утопия. Но так ли это?»¹. С ним соглашается и Н. А. Троицкий: «Любой исследователь должен знать, что нет абсолютного зла. Разве могла французская революция победить без якобинского террора?»²

Ход и результаты исследования. Большинство дореволюционных исследователей, в особенности принадлежащих к социалистическому и либеральному лагерям, признают, что основной причиной возникновения российского радикализма явилась репрессивная политика самодержавия. Так, либеральный народник В. Е. Чешихин-Ветринский считал, что «общественное движение стало все более загоняться в подполье, и там в 1866 году впервые вспыхивает зловещий огонь террора»³. Эти взгляд разделяли А. Тун и Л. Е. Гальперин (Л. Барриве)⁴, социалист-революционер В. Цеховский⁵. Представитель конституционно-демократической партии А. Корнилов писал о «полном отсутствии свободы печати», «состоянии террора, в которое наше правительство ввергло все русское общество после 1866 года» и даже о «крайнем озлоблении молодежи, теснимой и оскорбляемой»⁶.

Консервативная проправительственная историография не разделяла точку зрения оппозиционных авторов, видя причину перехода революционеров к террору в их социальной изолированности от народных масс. В частности, еще в 1880 г. А. Мальшинский писал, что, ведя свою пропаганду по всей России, «агитаторы убедились в невозможности имеющимися в их распоряжении средствами произвести хотя малейшее движение в массах и пришли к заключению, что не по воле народа государственная власть может быть потрясена в своем могуществе...»⁷. Русский эмигрант М. Карпович также указывал на пропасть между народными массами и революционерами и непонимание последними реалий русской жизни, следствием чего стало их неадекватное отношение

¹ Тютюкин С. В. От декабризма до посткоммунизма (заметки о книге «империя и либералы») // Отечественная история. 2002. № 6. С. 149–150.

² Троицкий Н. А. Дилетантизм профессионалов (письмо в редакцию журнала «Родина») // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1997. Вып. 16. С. 186.

³ Чешихин-Ветринский В. Е. Общественное движение в царствование Александра II // Три века. Россия от смуты до нашего времени: исторический сборник: [в 6 т.] / под ред. В. В. Каллаша. Т. 6. М., 1913. С. 117–118.

⁴ Тун А. История революционных движений в России: [пер. с нем]. [Харьков, 1924]. С. 104; Гальперин Л. Е. Общественное движение в царствование Александра Второго: ист. очерки Л. Барриве. М., 1911. С. 141.

⁵ Цеховский В. Ф. Сергей Геннадиевич Нечаев. СПб., 1907. С. 643–654. (Историческая библиотека. Вып. 11).

⁶ Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II (1855–1881): исторические очерки. М., 1909. С. 200.

⁷ Мальшинский А. П. Обзор социально-революционного движения в России. СПб., 1880. С. 278.

к правительственным реформам⁸. В аналитической записке «Нигилизм и нигилисты», адресованной высшим чинам французской полиции, неизвестный автор из России доказывал, что «русский нигилизм является продуктом заграничного происхождения. Политическая и социальная жизнь России в действительности не содержит ни одного из необходимых элементов для его образования и развития»⁹.

Большинство современных исследователей русского радикализма, как отечественных, так и зарубежных, разделяют точку зрения дореволюционных авторов, принадлежавших к лагерю оппозиции. Так, А. В. Воронихин цитирует французского писателя Виктора Гюго, утверждавшего, что «деспотизм и нигилизм представляли собой две чудовищные стороны одного и того же явления», «разнузданную войну зла против зла, поединок темных сил»¹⁰. Заокеанский историк Б. Пэрс также утверждал, что «именно деспотизм вызвал революцию. Революция и деспотизм — близнецы»¹¹.

По мнению В. Я. Гросула, «трудно понять возникновение русского революционного терроризма» без учета «непрекращающегося самодержавного и чиновно-помещичьего произвола»¹². С ним согласна и В. А. Твардовская, полагающая ошибкой не учитывать «воздействие на революционеров политики самодержавия. Речь идет не только о репрессиях. Власть, если так можно выразиться, по-своему моделирует своих революционных противников. В облике российских революционеров различимы черты самодержавной власти: они столь же жестоки и непримиримы, не сомневаются в своем праве решать за народ его судьбу»¹³. По ее мнению, русская монархия своей репрессивной политикой сумела убедить революционеров «в возможности только насильственного способа преобразований», так как сама противопоставляла «революционным и социалистическим идеям» тоже лишь насилие¹⁴.

К. Н. Морозов считает, что «нельзя ограничивать спектр участников террористической вакханалии, творившейся в России, только революционными партиями». Появление террора в политической практике оппозиционных партий обусловлено целым рядом факторов, взаимовлияющих друг на друга и усиливающих друг друга. К. Н. Морозов разделяет точку зрения О. В. Будницкого, который «справедливо указывает на то, что нельзя из двух противостоящих друг другу лагерей — власти и революционеров — обвинять лишь одну

⁸ *Karpovich M. M.* Imperial Russia. New York, 1932. P. 40–44.

⁹ Archives nationales. Paris, F 7. 12520.

¹⁰ *Воронихин А. В.* Вера Фигнер: путь в террор // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1997. Вып. 16. С. 85.

¹¹ *Pares B.* Russia: between reform and revolution. Fundamentals of Russian history and character. New York, 1962. P. 184.

¹² Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? «Круглый стол» // Отечественная история. 1999. № 1. С. 5.

¹³ Там же. С. 11.

¹⁴ *Твардовская В. А.* Николай Морозов: от революционера-террориста к ученому-эволюционисту // Отечественная история. 2003. № 2. С. 51, 54.

сторону»¹⁵. Среди причин появления радикализма О. В. Будницкий выделяет «отсутствие видимых достижений в деревне» и репрессии со стороны правительства, не желавшего соблюдать нейтралитет в политическом процессе и буквально толкавшего революционеров «к переходу от анархизма к политической борьбе, от бунтарства, которое так и осталось теоретическим, к терроризму»¹⁶.

Некоторые исследователи полагают, что основным побудительным мотивом перехода молодежи в лагерь радикалов являлся, как это ни странно, альтруизм и юношеский максимализм. По мнению Е. И. Щербаковой, при столкновении с жизнью терпели крушение надежды молодежи приносить пользу отечеству на мирном поприще¹⁷.

Е. Л. Рудницкая, отмечая избыточную репрессивность правительственной политики, полагает все же, что «террор, как и отторжение морали, были изначально субстанцированы в русском революционном движении. Вспомним только ишутинцев, Нечаева, Ткачева. Каким бы монстром ни был Нечаев, он был лишь крайним выражением потенций, обусловленных утопизмом идеалов, логикой борьбы, русскими политическими реалиями, неадекватностью действий правительства, социальной изолированностью революционеров. Проблема “народ и революция” — капитальная проблема русской истории второй половины XIX в. А потому “бесы” — не плод сознания великого русского писателя, а одна из глубинных ипостасей российской революционности»¹⁸. Как видим, неадекватность действий правительства стоит не на первом месте среди причин появления радикализма и политического террора в России.

Заключение. Очевидно, что для поступательного движения России требуется объективная картина исторической реальности. Перечисленные подходы только в сумме дают относительно верный комплекс причин, вызвавших появление радикализма в Российской империи. Историографические подходы явно коррелируют с умонастроениями значительной части российского общества, и это обстоятельство также следует учитывать.

Среди наиболее ценных наблюдений исследователей, позволяющих приблизиться к сути явления, надо отметить утверждение о том, что власть своими чрезмерно жесткими действиями по отношению к оппозиции сама задала вектор ее дальнейшего развития в сторону радикализма и политического террора. Безусловно, среди причин появления крайних политических течений в России следует также назвать и тяжелое положение, и политическую неразвитость народных масс.

¹⁵ Морозов К. Н. «Кровь по совести»: терроризм в России. Документы и биографии // Отечественная история. 1995. № 6. С. 195.

¹⁶ Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. С. 385.

¹⁷ Щербакова Е. И. Отщепенцы (Социально-психологические истоки русского терроризма) // Свободная мысль. 1998. № 1. С. 90.

¹⁸ Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? «Круглый стол» // Отечественная история. 1999. № 1. С. 7–8.

С проблематикой радикализма связана степень воздействия на русских радикалов западноевропейских революционных концепций. Справедливо мнение Б. М. Шахматова, утверждавшего, что «интерес к Бланки и бланкизму не может иссякнуть до тех пор, пока в мире существуют такие социальные и идеологические условия, при которых для решения назревших революционных задач могут быть предложены бланкистские политические программы»¹⁹. Эта мысль скорее дополняет, а не противоречит перечисленным выше причинам.

Разумеется, тема должна быть продолжена, так как только учет всей совокупности подтвержденных историографией выводов может дать объективную картину появления и эволюции радикального движения.

Литература

1. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. 401 с.
2. Воронихин А. В. Вера Фигнер: путь в террор // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Троицкого. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1997. Вып. 16. С. 75–85.
3. Морозов К. Н. «Кровь по совести»: терроризм в России. Документы и биографии // Отечественная история. 1995. № 6. С. 193–196.
4. Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? «Круглый стол» // Отечественная история. 1999. № 1. С. 3–18.
5. Твардовская В. А. Николай Морозов: от революционера-террориста к ученому-эволюционисту // Отечественная история. 2003. № 2. С. 50–72.
6. Троицкий Н. А. Дилетантизм профессионалов (письмо в редакцию журнала «Родина») // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Троицкого. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1997. Вып. 16. С. 184–189.
7. Тютюкин С. В. От декабризма до посткоммунизма (заметки о книге «Империя и либералы») // Отечественная история. 2002. № 6. С. 148–154.
8. Хорос В. Г. Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М.: Наука, 1980. 286 с.
9. Шахматов Б. М. Л. О. Бланки и революционная Россия (отзывы, влияния, связи) // Французский ежегодник. 1981. М.: Наука, 1983. С. 56–69.
10. Щербакова Е. И. Отщепенцы (Социально-психологические истоки русского терроризма) // Свободная мысль. 1998. № 1. С. 88–99.
11. Pares V. Russia: between reform and revolution — Fundamentals of Russian history and character. First edition thus. New York: Schocken Books, 1962.

References

1. Budnitskii O. V. Terrorism v rossiiskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiia, etika, psikhologiia (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.) [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (the second half of the XIX – beginning of the XX century)]: dis. ... d-ra ist. nauk. Moscow, 1998. 401 p. (In Russ.).

¹⁹ Шахматов Б. М. Л. О. Бланки и революционная Россия (отзывы, влияния, связи) // Французский ежегодник. 1981. М., 1983. С. 57.

2. Voronikhin A. V. Vera Figner: put' v terror [Vera Figner: the path to terror] // Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. N. A. Troitskogo. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1997. Vyp. 16. P. 75–85. (In Russ.).
3. Morozov K. N. «Krov' po sovesti»: terrorizm v Rossii. Dokumenty i biografii biografii ["Blood on conscience": terrorism in Russia. Documents and biographies] // Otechestvennaia istoriia. 1995. № 6. P. 193–196. (In Russ.).
4. Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: sovremennyi vzgliad ili priverzhennost' traditsiiam? «Kruglyi stol» [Liberation movement in Russia: a modern look or a commitment to tradition? "Round table"] // Otechestvennaia istoriia. 1999. № 1. P. 3–18. (In Russ.).
5. Tvardovskaia V. A. Nikolai Morozov: ot revoliutsionera-terrorista k uchenomu-evoliutsionistu [Nikolai Morozov: from revolutionary terrorist to evolutionary scientist] // Otechestvennaia istoriia. 2003. № 2. P. 50–72. (In Russ.).
6. Troitskii N. A. Diletantizm professionalov (pis'mo v redaktsiiu zhurnala «Rodina») [Dilettantism of professionals (letter to the editorial board of the magazine "Rodina")] // Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. N. A. Troitskogo. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1997. Vyp. 16. P. 184–189. (In Russ.).
7. Tiutiukin S. V. Ot dekabrizma do postkommunizma (zametki o knige «Imperiia i liberaly») [From Decembrism to post-Communism (notes on the book "Empire and Liberals")] // Otechestvennaia istoriia. 2002. № 6. P. 148–154. (In Russ.).
8. Khoros V. G. Ideinye techeniia narodnicheskogo tipa v razvivaiushchikhsia stranakh [Ideological currents of the populist type in developing countries]. Moscow: Nauka, 1980. 286 p. (In Russ.).
9. Shakhmatov B. M. L. O. Blanki i revoliutsionnaia Rossiia (otzyvy, vliianiia, sviazi) [L. O. Blanks and revolutionary Russia (reviews, influences, connections)] // Frantsuzskii ezhegodnik. 1981. Moscow: Nauka, 1983. P. 56–69. (In Russ.).
10. Shcherbakova E. I. Otshchepentsy (Sotsial'no-psikhologicheskie istoki russkogo terrorizma) [Renegades (Socio-psychological origins of Russian terrorism)] // Svobodnaia mysl'. 1998. № 1. P. 88–99. (In Russ.).
11. Pares B. Russia: between reform and revolution — Fundamentals of Russian history and character. First edition thus. New York: Schocken Books, 1962.